

Бай Шаоцин всегда был игроком, которому везло в азартных играх.

Он встретил взгляд Сюй Хэцина, и чуть улыбнулся, снимая маску; после чего поприветствовал его сложенными руками:

— Я третий сын семьи Бай — Бай Шаоцин. Хотя я также являюсь потомком одной из великих четырех семей, но раньше не имел удовольствия встретиться с братом Сюем.

Пчелиный яд уже сошел с его кожи и он стал выглядеть как Пань Ань, будто вырезанный из белого камня. Поскольку он признал себя членом семьи Бай, пришлось сменить обращение к Сюй Хэцину с "молодого господина Сюя" на "брата Сюя".

*П.п.: Пань Ань — литератор времен Западной Цзинь (247-300 гг.), олицетворение мужской красоты.

Если уж говорить о несчастной судьбе, то они могли считаться братьями по несчастью.

Когда Сюй Хэцин увидел его истинное лицо, он невольно замер и пробормотал:

— Я слышал о тебе, но не знал, что ты так выглядишь.

Бай Шаоцин безрадостно улыбнулся и вернул маску на лицо.

— Теперь я могу попросить брата Сюя все объяснить?

В этот момент он казался таким спокойным, но внутри был настороже. Он выглядел так, будто стоит непринужденно, но на деле вся мощь его тела была готова к высвобождению, а слух сосредоточенно внимал звукам поблизости. Даже мышь, пробирающаяся по клумбе под окнами, не осталась незамеченной.

— Этот вопрос всегда был связан с четырьмя великими кланами Улинь. В нем скрыты почти сто лет тайн мира боевых искусств, — будто в трансе произнес Сюй Хэцин. — Я не знал об этом. Мне с детства не нравилось изучать боевые искусства, но дома очень интересовали древние книги. У нас есть старая библиотека, пыльное место, которое никто не посещает уже много лет. Мне нравилось там сидеть. Мэнхуэй... Он не любит эти старые книги, но часто составлял мне компанию. Однажды, в куче рваных и потрепанных клочков бумаги, я нашел секрет.

— Почему секреты этого мира всегда связаны с потрепанным старьем?

— Потому что чем старше секрет, тем он страшнее, — ответил Сюй Хэцин.

Поразмыслив некоторое время, Бай Шаоцин спросил:

— Это связано с четырьмя великими кланами?

— Верно. Этот клочок бумаги оставил предок семьи Сюй, которые в те времена был почитаемым мастером боевых искусств. Вдобавок, этот человек за всю жизнь ни разу не солгал.

— Ни разу не солгал? Если это правда, тогда, должно быть, немногие люди слышали его речь.

— Да, он был немногословен. Но все верили в то, что он говорил.

— Что он написал?

Сюй Хэцин помолчал.

— Он записал секрет, который много лет назад обсуждали главы четырех великих кланов. — Лицо Сюй Хэцина было мрачным, будто он задыхался от необъяснимой давящей боли. Его руки были крепко сжаты в кулаки, а спина прямой, но Бай Шаоцину казалось, что он постоянно дрожит.

Бай Шаоцин вздохнул:

— Культ справедливости изначально был создан четырьмя великими семьями.

Сюй Хэцин вдруг вздрогнул, его острый взгляд пронзил Бай Шаоцина, и он сказал с дрожью в голосе:

— Откуда ты знаешь? Неужели ты тоже... А-а, ты член семьи Бай, думаю тоже узнал... — Он нашел объяснение и его голос затих.

Он не мог догадаться, что Бай Шаоцин всего лишь сделал предположение на основании слов Фэн Луна.

Некогда Фэн Лун говорил, что должность лидера культа справедливости тайно передавалась в его семье из поколения в поколение. Если так подумать, то вполне естественно, что Сыма Фань, как член одной из четырех семей, тоже будет связан с культом.

Бай Шаоцин спросил:

— Ты же глава семьи Сюй, к чему тебе понадобилось читать записи предков семьи, чтобы узнать причину и следствие? Неужели родители тебе не рассказали?

— Сто лет назад четыре великих клана собрались на тайное совещание, рассмотрели обстановку в Улинь и пришли к одному выводу. В мире боевых искусств нельзя все решить только при помощи здравого смысла. Чтобы Улинь вечно оставался стабильным и свободным от кровопролития, нужно использовать как черное, так и белое. Белый путь — для просвещения, а темный — для искоренения тех, кого нельзя уничтожить в открытую. Они создали тайный культ справедливости в надежде, что смогут контролировать силу преступного мира и сохранить справедливость в Улинь. Но во внешнем мире никто не знает, что за тайным культом стоят четыре великие семьи.

— Эту тайну должны были знать только старейшины кланов, но эпохи постепенно сменялись, многие из них умерли. Неужели они не передали тайну дальше? — предположил Бай Шаоцин.

— Верно, — кивнул Сюй Хэцин. — Наши семьи Сюй и Бай тоже были важной опорой в культе справедливости, но потомки мало-помалу утратили этот секрет. В итоге только семьи Сыма и Фэн знали о происхождении культа справедливости. Семья Фэн и Сыма Фань тайно контролировали еретические секты в Улинь.

Бай Шаоцин улыбнулся.

— Ты мне не веришь? — спросил Сюй Хэцин.

— Нет, я верю, — ответил Бай Шаоцин.

Если бы он сказал Сюй Хэцину, что некогда в большом волнении ступил на территорию алтаря культа справедливости, стремясь изучить технику пересечения неба, его рот бы никогда не закрылся.

Если бы он сказал Сюй Хэцину, что Фэн Лун обучил его технике пересечения неба, его глаза бы выпали из орбит.

Но он не хотел, чтобы рот Сюй Хэцина больше никогда не закрывался, как и не хотел, чтобы его глаза вывалились из орбит. Поэтому он просто улыбнулся.

Снова холодная усмешка.

— Я понимаю твое негодование. Когда человек слишком зол, он не может перестать ухмыляться, — сказал Сюй Хэцин.

— Я ничуть не сержусь, — ответил Бай Шаоцин. — Я улыбался, потому что самая загадочная техника в Улинь — техника пересечения неба — является частью нас.

— Лучше бы нам никогда не знать ее, — вздохнул Сюй Хэцин.

— Правда? — небрежно спросил Бай Шаоцин.

Сюй Хэцин не ответил, а просто продолжил:

— Постепенно семья Фэн стала могущественнейшей семьи Сыма. Они не только стали номером один на белом пути, но и возглавили культ справедливости. Однако Сыма все еще были союзниками семьи Фэн, и у них был кое-кто, знающий о культе справедливости. Это был Сыма Фу — предыдущий старейшина рода Сыма.

— И Сыма Фань потомок от брака между семьями Фэн и Сыма, — Бай Шаоцин перестал улыбаться и нахмурился.

— Брат Бай и впрямь умен, — кивнул Сюй Хэцин. — Этот Сыма Фань — второй кандидат на должность лидера культа справедливости, избранный старейшиной рода Фэн. Что касается первого, то это, разумеется, Фэн Лун, сын семьи Фэн, нынешний глава Улинь, который исчез два года назад.

Услышав имя Фэн Луна, Бай Шаоцин еще сильнее нахмурился.

Сыма Фань не пытался захватить место лидера культа, а был его законным преемником. Но если бы там был Фэн Лун, он бы не позволил другому человеку так бесцеремонно захватить то, что принадлежало ему.

Он задумался, а потом снова холодно усмехнулся.

— Ты снова ухмыляешься, — упрекнул его Сюй Хэцин.

— В этот раз я действительно улыбаюсь, — ответил Бай Шаоцин. — Разве не весело будет, если Сыма Фань встретится с таким противником, как Фэн Лун?

Сюй Хэцин долго молчал, вспоминая Сюй Мэнхуэя. И он глубоким голосом произнес:

— Когда дело касается жизни и смерти дорогого человека, это никогда не бывает весело.

Но он не знал, что в этот момент сердце улыбающегося Шаоцина сильно заболело.

— Два года назад по вине культа справедливости семья Бай попала в беду, — сказал Сюй Хэцин. — Это говорит о том, что культ намерен уничтожить обе наши семьи, которые более не связаны с ним, чтобы не допустить утечки тайн.

На этот раз он ошибся.

Уничтожение семьи Бай было делом рук Шаоцина. И никто не знал причину для этого лучше, чем сам Шаоцин. Сун Сянли, Бай Можань, Бай Шаосин, Бай Шаоли... Злобные взгляды, обидные проклятия, трупы и живые, погребенные вместе в море огня. В конце концов даже пепла не осталось.

Бай Шаоцин осторожно взглянул на него, и уголки его губ слегка приподнялись.

— Я знал об этой шокирующей тайне, в которой замешаны мои собственные предки, и хотел притвориться незнающим, пусть даже этот секрет уйдет со мной. Но пример семьи Бай показал мне, что культ справедливости не пощадит семью Сюй, — размышлял Сюй Хэцин. — Поэтому ради всей семьи я решил...

— Прежде чем ты успеешь что-то предпринять, появится Сыма Фань. А когда он появится, то сразу схватит тебя за горло.

Сюй Хэцин помрачнел, но в его глазах сверкнул лед, и он до скрежета стиснул зубы.

— Но это укрепило мою решимость искоренить злой культ. Брат Бай, ты и я, мы люди одного круга, нам нужно вместе обсудить решение проблемы.

У него и впрямь высокое чувство долга.

— Тогда давай расскажем всю правду в Цзянху, — предложил Бай Шаоцин.

— Нет, это погубит все четыре семьи.

— Тогда мы вместе убьем Сыма Фаня, а если получится, то и Фэн Луна.

— Наше гун-фу не сравнится с этими двумя.

Бай Шаоцин промолчал.

— Я знаю, ты думаешь, что я цепляюсь за жизнь и боюсь смерти, или люблю пустую репутацию, — сказал Сюй Хэцин.

— Как ты хочешь, чтобы я тебе помог? — спросил Бай Шаоцин.

— Это... — Сюй Хэцин помедлил в нерешительности.

Бай Шаоцин немного подумал.

— Брат Сюй, ты хочешь сделать всего две вещи: первое — тайно избавиться от семей Фэн и

Сыма, которые знают все о культе справедливости. Для начала нужно будет разорвать отношения между четырьмя семьями и культом зла, и сохранить репутацию семей в Улинь; и второе — спасти Сюй Мэнхуэя.

Бай Шаоцин разгадал побуждения Сюй Хэцина, поэтому он кивнул и сказал:

— Именно так.

— Ты хочешь, чтобы я его спас?

— Если вытащить его сейчас, Сыма Фань может что-то заподозрить. Я просто хочу... — Сюй Хэцин замешкался. — Брат Бай, я хотел бы попросить найти возможность навестить Мэнхуэя, чтобы я мог чувствовать себя спокойно, зная его нынешнее состояние. Что до меня, Сыма Фань никогда не позволит мне встретиться с ним.

— Хорошо, обещаю, — кивнул Бай Шаоцин.

За окном Сюй Фу снова поднял шум:

— Старина Ван, ты понял что нужно сделать? Скорее напиши рецепт, чтобы я мог получить лекарство у управляющего.

Мужчины сели на свои места, и тут широкими шагами вошел Сюй Фу.

— Старший господин, теперь вы выглядите получше. — Он похлопал Бай Шаоцина по плечу. — Старый Ван, твои медицинские навыки ничего!

Бай Шаоцин поднялся.

— Старший господин твой семьи только что поссорился со старшей госпожой. У него плохое настроение. Немного поговорить, и все будет в порядке, лекарство здесь ни к чему.

Он поклонился на прощание и уже без Сюй Фу вернулся к себе во двор.

<http://bllate.org/book/15169/1340560>